

Игорь Поляков

Страна теней

Игорь Поляков

Страна теней

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Поляков И. В.

Страна теней / И. В. Поляков — «ЛитРес: Самиздат», 2013

История любви, сотканная из реальных и иррациональных событий.
Непростые отношения мужчины и женщины, отягощенные предубеждениями
и недосказанными словами. Призрачная действительность, пропущенная
через сознание врача акушера-гинеколога.

Содержание

До того, как...	6
Может, это и есть...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	35

*Любить вблизи довольно просто.
На расстоянии посмей,
Когда уходит даже голос,
И образ твой в страну теней!*

Дмитрий Иванов

До того, как... Абортмахер

Работа на конвейере убивает эмоции. Семен вздохнул, подумав о том, что надо идти и делать то, что совсем не хочется. Он закрыл за собой дверь ординаторской и пошел по коридору. Было то время, когда утренняя суета врачебного обхода сменилась временным спокойствием. Он шел, замечая мелкие детали, которые определяли повседневную жизнь гинекологического отделения городской больницы. Из-за полуоткрытой двери плановой операционной донесся взрыв хохота, что говорило о том, что анестезиолог рассказал оперирующей бригаде очередной анекдот. Дальше по коридору по правой стороне в буфете лилась вода и гремела посуда, которую мыли после завтрака. Идущая в сторону послеоперационной палаты медсестра с капельницей и бутылкой физиологического раствора улыбнулась Семену. В одной из палат женщины что-то живо обсуждали, и он, непроизвольно прислушавшись, понял, что говорят об их заведующем отделением.

– Строгий такой доктор, неприступный, слова от него доброго не услышишь. Глянет поверх очков, и сразу мурашки по коже.

– Зато руки у него золотые.

– Оно так, но и к людям надо с душой.

Дальше по коридору палаты, в которых лежали женщины на сохранении, и сразу за ними, в конце коридора – абортарий. Семена в начале трудовой деятельности это удивляло, – зачем делать рядом палаты, в которых сохраняют и прерывают беременности, но после нескольких лет работы ему стало все равно. Так было, и так будет.

Он прошел мимо палаты для женщин, пришедших на аборт, даже не заглянув в неё, – он уже знал, что, как обычно, все пять коек заняты. Хорошо, что не больше, а всего пять. Кивнул Кате, – медсестра абортария уже все приготовила, – и пошел к умывальнику, надевая по пути клеёнчатый фартук.

– Семен Михайлович, у нас сегодня студенты на практике, я вам на зеркало девочку поставлю? – спросила Катя за его спиной. Впрочем, в голосе медсестры было больше утверждения, чем вопросительных интонаций.

– С какого она курса? – вздохнул Семен.

– Третий стоматологический.

– Опять упадет, – сказал Семен, покачав головой, но Катя уже вышла, чтобы позвать анестезиолога.

Семен посмотрел в зеркало над умывальником. Хмурое помятое лицо с темными кругами под красными глазами. Небольшой порез над верхней губой и желтоватые зубы. Всего тридцать пять, а выгляжу на сорок пять, наверное, пить надо бросать, – подумал он, и стал мыть руки.

Привели первую пациентку, и пока медсестра-анестезистка вкалывала в вену анестезирующий препарат, Семен смотрел в окно. Там царил лето – большие листья тополя, закрывающего практически весь обзор из окна, вяло колебались под легким дуновением ветерка. Справа на скамейке у запасного выхода из гинекологии две женщины с животами недель на двадцать спокойно курили сигареты, даже не пытаясь спрятаться, и это тоже уже давно стало нормой жизни.

– Семен Михайлович, – окликнул его анестезиолог Дима, – пора, субстрат готов.

Семен отвернулся от окна и пошел к рабочему месту.

– Девочку зовут Лена, я ей все объяснила, – сказала Катя.

Семен посмотрел на стоящую слева от него невысокую девушку в белоснежном коротком халате и накрахмаленном колпаке.

– Лена, если закружится голова и перед глазами поплывет, сразу скажите.

Она кивнула в ответ, но по глазам Семен понял, что девушка впервые попала в абортарий, а, значит, возможны проблемы.

– Ваша задача, Лена, оттягивать зеркало вниз, – сказал Семен, показывая глазами на то место, где должна быть правая рука девушки, и, когда та поспешно ухватила за блестящий металл, вздохнул. И нахрена будущим стоматологам эти ужасы?! Хотя, с другой стороны, какой она врач, если не видела изнанку этой гребаной жизни.

Пока Семен расширял шейку матки специальными расширителями с четвертого до десятого номера, Лена вела себя хорошо. Он поглядывал периодически на сосредоточенное лицо, на легкую бледность щек, на некоторую хаотичность движений левой рукой, но правая рука девушки крепко держала зеркало, и это было хорошо.

Стало хуже, когда Семен присоединил наконечник к отсосу, и с хлюпаньем стал отсасывать плод из матки. Лена чуть отвернулась, словно не желала слышать эти звуки, от которых невозможно спрятаться. Глаза у девушки расширились, когда она увидела, как Семен пинцетом убирает части плода, застрявшие в отверстии наконечника. Она явно напрягала силу воли, чтобы удержать свое сознание в равновесии. И ей это удалось, но только до того момента, когда Семен взял кюретку¹ в руки.

Это был необходимый этап – выскабливание полости матки, и Семен всегда старательно его выполнял. И всегда, когда слышал (и чувствовал рукой) хрустящий звук из матки (звук пустых стенок матки), удовлетворенно кивал головой анестезиологу – всё, я закончил, закругляемся.

Семен отвлекся и не увидел тот момент, когда девушка поплыла. Она по-прежнему держалась за зеркало, но глаза закатились, ноги стали подгибаться, и, когда она оказалась на полу рядом с гинекологическим креслом, он уже ничего не мог сделать. Колпак с головы Лены свалился, и белокурые волосы рассыпались по полу. Халатик задрался, открывая взору докторов тоненькие белые бедра и розовые трусики.

– Катя, твоя девочка упала, – крикнул Семен Михайлович, но анестезиолог уже спешил на помощь.

– Ой, какие у девочки Лены трусики, – хохотнул Дима, отдергивая халат на девушке и поднимая её с пола.

– Катя, помоги Дмитрию Сергеевичу, – сказал Семен медсестре, заканчивая операцию в одиночестве. Встал со стула, сдергивая окровавленные перчатки с рук, и отошел к окну.

– Может, не будем экспериментировать, сама встанешь на следующий субстрат, – сказал он Кате, которая протирала виски приходящей в сознание девушки нашатырным спиртом.

Она кивнула, и Семен Михайлович Угарин удовлетворенно стал смотреть в окно.

Оставшиеся четыре субстрата абортировали быстро, чему он был только рад. Работа на этом конвейере уже настолько достала, что он с нетерпением ждал окончания каждого рабочего дня, и, главное, окончания этого месяца, когда в абортарии его сменит другой доктор.

Наверное, судьба у меня такая. Мысленно озвучив объяснение своей жизни, Семен посмотрел на окна своей квартиры. Темные безжизненные прямоугольники на четвертом этаже. Еще совсем недавно его встречали, выглядывая в окно. Всего лишь полгода назад.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь и вошел в прихожую. Снял обувь и понес кулек с продуктами на кухню. Первым делом поставил кастрюлю с водой на газ, затем нажал на кнопку электрического чайника. Открыл холодильник. Загрузил его – масло, сыр, сметана на среднюю

¹ Кюретка – специальный инструмент для выскабливания полости матки во время медицинского аборта.

полку, мясные полуфабрикаты и бутылку водки (они с отцом любили, чтобы водочка была холодная) – в морозильник.

Сварил пельмени, разложил вилки, поставил рюмки, и, выставив успевшую охладиться бутылку водки на стол, Семен крикнул:

– Отец, ужин готов, – и, прислушавшись к тишине в комнате, добавил, – иди сюда, я уже разливаю.

Свернув крышку с бутылки, он щедро плеснул жидкость по рюмкам.

И залпом выпил.

– Опять без меня пьешь, – услышал он голос за спиной, и, повернувшись к отцу, пожал плечами.

– Я тебя звал, а ты идешь, как обычно, очень долго.

Отцу было семьдесят пять лет, он с трудом передвигался по комнате, плохо видел, но еще вполне ничего – бодрый жизнерадостный старикан.

Семен снова налил себе, и они выпили вместе, что уже стало для них неким привычным ритуалом. Затем сели за стол.

– Что-то ты сегодня грустный, – сказал отец.

Семен прожевал пельмень, снова разлил, и только после этого задумчиво сказал:

– Бша жалко.

– Дочитал «Темную Башню» Стивена Кинга, – понимающе кивнул отец и, помолчав, продолжил, – а людей тебе не жалко. Джейка, например?

– Джейк умер, зная, что есть и другие миры. Это значительно легче, принять смерть в одном мире, зная, что откроешь глаза в другом.

– Тут ты не прав, – покачал головой отец, – умирать всегда и везде трудно, даже если считаешь себя праведником, и уверен, что попадешь в рай. Любой шаг в неизвестность страшен своей непредсказуемостью. Совсем не обязательно, что шагнешь во врата рая.

– Это все слова, о том, что мы не знаем, – сказал Семен и поднял рюмку.

Выпили молча.

Доели пельмени.

Закурили: отец – трубку, Семен – сигарету.

Выдохнув дым, Семен потер переносицу, и, глядя на рюмку, задумчиво сказал:

– Знаешь, отец, я иногда себя чувствую говном. Знаешь, такое старое, засохшее, вонючее говно, размазанное по жопе Сатаны.

– Эх, тебя занесло, – ухмыльнулся отец, – чтобы стать говном на заднице потусторонних сил, надо потрудиться. Впрочем, чтобы стать дерьмом на жопе Бога, опять-таки тоже необходимо приложить некоторые усилия, – философски глядя в пространство, закончил отец.

– А что, мало, что ли я загубил не рожденных душ? Руки по локоть в крови, – Семен приподнял руки, словно разглядывал стекающую по ним яркую кровь, – каждый день, за исключением двух выходных в неделю, в течение двух месяцев, стою у этого гребаного конвейера. Пять загубленных жизней в день, двадцать пять – в неделю, сто – в месяц, двести в год, две тысячи за последние десять лет. Профессиональные убийцы со списком своих жертв, просто дети по сравнению со мной.

– Это, как посмотреть, – пожал плечами отец.

– Опять слова, – махнул рукой Семен.

– Взять, к примеру, твоего Роланда, о котором ты мне все уши прожужжал, – словно не слыша его, продолжал отец, – сколько человек он сам убил на пути к Башне, через скольких перешагнул, мимо скольких прошел, не подав руку помощи, однако же, – положительный герой, образец для подражания, почти иконописный лик для фанатов Стивена Кинга.

– У Роланда была цель, ради которой стоило жить и убивать. А я живу бесцельно и убиваю, мотивируя свои действия пустыми словами о том, что работа у меня такая.

Семен снова опрокинул рюмку в себя, уже не обращая внимания на то, что у отца рюмка так и стоит наполненная. Поднес корку хлеба к носу и вдохнул. Вытащил очередную сигарету из пачки, лежащей на столе, и снова закурил.

– А что ты сделал, чтобы что-то изменить в своей жизни? – спросил отец.

– А что я могу изменить, – уныло сказал Семен, – абортмахиры были, есть и будут. Наверное, это – судьба.

– Ну, если с этой точки зрения смотреть, то тогда, действительно, ты – *говно*. У тебя нет ни жены, ни детей. Ты отвернулся от всех родственников, ты шарахаешься от бывших и настоящих друзей. Сидишь дома, пьешь водку и жалуешься отцу на свою поганую жизнь и судьбу. Так и останешься дерьмом, если не сделаешь первый шаг.

Загляни в себя и, наконец-то, сделай первый шаг, который выведет тебя из порочного круга пустого бытия. Звонок будильника вырвал Семена из глубин сна, где отец в очередной раз спокойным голосом рассуждал, как изменить ситуацию. Глянув на часы, Семен недовольно поморщился. Прошагав на кухню, долго пил воду из чайника, после чего стало чуть легче. Сел и закурил. На столе сиротливо стояла полная рюмка, оставленная отцом, и лежала его курительная трубка.

«О чем мы вчера говорили»? – подумал Семен, потирая переносицу, и, вспомнив, кивнул. – Да, мы говорили о том, что в этом гребаном мире я ничем не отличаюсь от обычного дерьма».

Докурив, он собрался и пошел на работу. К своему месту на конвейере. В ежедневную будничную рутину, к которой привыкаешь и к которой невозможно привыкнуть. И по дороге на работу, и во время врачебного обхода, и в ординаторской за чашкой кофе в пустом разговоре с коллегами, Семен продолжал вспоминать свой разговор с отцом.

– Семен Михайлович, – сказала, заглянувшая в дверь ординаторской Катя, – через пять минут подходите. У нас сегодня, как обычно, полная палата.

– Иду, – кивнул он, и, встав со стула, внезапно понял, что он хочет сделать.

Он быстрым шагом дошел до абортной палаты и решительно вошел в неё. Сел на стул и посмотрел (наверное, впервые за свою трудовую жизнь) на лица тех женщин, которые были для него бездушными субстратами на ленте конвейера. Он смотрел в глаза пациенток, смотрящие на него с разными чувствами – от немого ужаса до равнодушного ожидания, и, периодически потирая переносицу, стал говорить:

– Всегда мечтал об одиночестве. Никто не мешает делать то, что я хочу, никто не лезет с советами. Предоставлен сам себе и думаешь только за себя. И никогда у меня этого не было – всю жизнь рядом со мной родители. Шумная мама, которая любила руководить, и спокойный отец, который любил меня. Все время говорили мне: веди себя хорошо, кушай то, а не это, не проказничай, учись на отлично, чтобы потом без проблем поступить в институт и получить высшее образование, тебе надо жениться и детей заводить. Обычно это мама мне говорила, а отец поддерживал её. Наставляли и указывали. Как я это ненавидел. Злился и ругался с ними. Говорил, что уже взрослый, и что не надо мне указывать. Закрывался в своей комнате и делал всё наперекор, даже если это было мне во вред.

Семен помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

– Мама умерла год назад, и через полгода умер отец. И вокруг меня вдруг образовалась та самая желанная пустота, о которой я мечтал. Одиночество, которого я так жаждал. Звонкая тишина, когда прихожу домой. Бесцельное времяпрепровождение, чтобы дожить до утра, которое уже ненавидишь. Водка, которой пытаешься залить лезущие из глубин сознания мысли.

Пустые стены, о которые хочется разбить голову. Альбомы со старыми фотографиями, в которых находишь успокоение. Одиночество – это кошмар, от которого я не могу избавиться.

И, снова помолчав, Семен продолжил свои размышления:

– Плод в утробе матери также нестерпимо и необратимо одинок, как только понимает, что не нужен единственному родному для него существу. Когда понимает, что мать хочет избавиться от него. Когда ощущает или ненависть к себе, или тупое равнодушие. Кошмар ожидания смерти еще не рожденной жизни без какого-либо шанса что-то изменить. Теплое вместилище матки становится тесной камерой, из которой невозможно выбраться. И никто не слышит его крика, когда приходит неминуемая смерть, и никто не чувствует его боли, ибо та, что отвечает за него и может спасти, находится в наркозе. Ну, а мне все равно, – грустно усмехнулся Семен, – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не чувствую, потому что *работа у меня такая*.

Семен встал и, когда выходил из палаты, увидел отражение в стеклянной двери – одна из женщин покрутила пальцем у виска.

– А что ты ожидал от этих долбанных субстратов, – подумал он почти вслух и пошел в абортарий.

– Семен Михайлович, ты чего процесс задерживаешь, – сказал недовольно Дима, – что ты там в палате субстратам лепил?

Семен, не ответив, надел фартук и стал мыть руки. Катя ушла за первой пациенткой, задержалась минут на пять, и, вернувшись, спросила, стоящего у окна Семена:

– Семен Михайлович, что вы им говорили? Одна из них сразу после вас собралась и ушла домой.

– Точно? – спросил Семен, глядя в окно.

– Да. Молча и никому ничего не объяснив.

Он кивнул с легкой полуулыбкой удовлетворения.

– И, все-таки, о чем ты говорил? – снова спросил Дима.

– Я сказал, что судьба крутит нас по кругу, но всегда можно попытаться сделать шаг в сторону.

И снова Семен увидел отражение в оконном стекле – Дима покачал головой и жестом изобразил, как у некоторых сносит крышу.

Что, впрочем, ничуть не изменило его приподнятого настроения. Ни сейчас, ни в течение всего трудового дня.

После работы Семен пошел на остановку и сел в автобус, едущий на рынок. Все с той же легкой полуулыбкой он смотрел в окно автобуса и, ни о чем не думал. В организме была какая-то легкость – бездумное созерцание и полное отсутствие желания выпить, в одиночестве или в компании с отцом.

На рынке Семен пошел в те ряды, где продавали животных. Медленно шествуя между клеток, корзин и коробок с котятами, кроликами и щенками, он смотрел на пушистые комочки, и терпеливо ждал. И был вознагражден за свое терпение – из одной из корзин высунулась светло-серая мордочка с круглыми любопытными глазами, и там, в этих глазах Семен увидел то, что хотел увидеть. Он протянул руку и, когда мокрый нос ткнулся в ладонь, сказал:

– Привет, Ыш.

Семен взял щенка на руки, и, как в далеком детстве, когда отец брал его на руки, он ощутил давно забытое теплое чувство, от которого набухли слезы в глазах.

Может, это и есть... Колодец

Денежные купюры за убийство. Давненько их не предлагали. Хотя, не так уж и давно. Если вспомнить, то месяцев пять назад у Семена была возможность заработать, но он отказался. Тогда и ситуация складывалась лучше – жертва в возрасте около тридцати, а не то, что сейчас. Семен задумчиво посмотрел на девушку, которой навскидку можно дать не больше восемнадцати лет. Затем перевел взгляд на мордастого широкоплечего парня, который судорожно мял в потных руках несколько купюр фиолетового цвета. И сказал, обращаясь к хорошо знакомому коллеге официальным тоном:

– Дмитрий Сергеевич, вы понимаете, что сейчас предлагаете? Это же хладнокровное тщательно спланированное убийство! Вот этот парень, – Семен ткнул указательным пальцем в парня с деньгами, – заказчик убийства, который хочет нас нанять на грязное дело.

– Я, – Семен встал со стула, подошел ближе к девушке и резким движением правой руки рассек воздух над её животом, – опытный киллер, который вскроет брюхо и выпотрошит жертву.

– Вы, Дмитрий Сергеевич, мой поделщик, и вам надо будет сделать контрольный выстрел в голову, – Семен приставил к голове девушки указательный палец, чуть надавил им на волосяную часть головы и резко произнес, – бац!

– А вы будете нашей прекрасной большеглазой юной жертвой, – Семен посмотрел на побледневшую девушку и добавил, – шансы выжить у вас очень и очень малы, даже учитывая наш с Дмитрием Сергеевичем опыт и мастерство.

Семен снова сел на стул и закончил, глянув на коллегу, уже неофициально:

– И за всё это тебе предложили несколько тысяч рублей, а ты и согласился. И привел их сюда.

– Ну, Семен Михайлович, ты это, палку-то не перегибай. Какое хладнокровное убийство?! Всего-то, девочке надо сделать аборт. И всё. В первый раз, что ли!

Анестезиолог Дмитрий Макаров, глядя с недоумением, хлопнул ладонями по бедрам. Похоже, он действительно так и не понял, что произошло и что могло случиться, если бы они согласились и сделали аборт девушке.

– А срок беременности у жертвы какой, ты знаешь?

– Двенадцать недель.

– Это тебе заказчик сказал?

– Да.

– И ты, наивный, поверил, – Семен усмехнулся и добавил, – я думаю, что уже недель пятнадцать-шестнадцать. Было бы меньше, они бы сюда не пришли, а всё бы сделали даром. Когда она вошла сюда, я сразу по внешнему виду прикинул срок беременности и понял, что ничего хорошего из этого не получится. Это, во-первых. Ну, а во-вторых, – Семен пристально посмотрел в глаза заказчику, – пока мы даже не знаем, сколько жертве лет. Может, она несовершеннолетняя, и тогда уже это уголовная статья и небо в клетку!

– Нет, мне уже восемнадцать, неделю назад исполнилось, – тонким голосом произнесла девушка. Она все так же сидела, схватившись руками за края лавки. Лицо бледное и в глазах – застывший ужас.

– Эй, мужики, – вдруг опомнившись, заговорил мордастый парень, – а сколько денег-то надо? Я могу больше дать, – и он с готовностью полез в карман джинсов.

– Нисколько не надо, – резко сказал анестезиолог Дима, – пошли отсюда.

Первой вскочила со скамьи девушка и быстро испарилась из приемного отделения. За ней ушли парень с деньгами и врач-анестезиолог.

Сразу стало тихо. Семен повернулся к компьютерному монитору, где на зеленом фоне застыл разложенный пасьянс. Вздохнув, он откинулся на спинку стула и посмотрел на белый потолок.

Заканчивать разложенный пасьянс расхотелось.

Обычное ночное дежурство в гинекологическом отделении городской больницы. Все инъекции и процедуры давно сделаны, пациенты в палатах спят. Время перевалило за двенадцать часов. Можно было пойти вздремнуть, но Семен Угарин вдруг подумал, что пока этого делать не стоит. Дима привел эту парочку – жертву с заказчиком – до наступления полуночи, и это плохая примета. Очень плохая примета. Обязательно что-то нехорошее произойдет.

Протянув руку, Семен нажал на кнопку электрического чайника. Насыпал в чашку растворимый кофе, и, когда чайник вскипел, налил кипятка. Вдохнул аромат кофе и сделал первый обжигающий глоток.

– Катя!

Семен выкрикнул имя медсестры, и, когда услышал ответный крик из недр приемного отделения, продолжил:

– Кофе будешь?

Услышав положительный ответ, повторил процедуру с чашкой медсестры, и, когда она пришла, сказал:

– Слышала, что Дмитрий Сергеевич предлагал?

– Да. А сколько денег давали?

Семен, заметив интерес в глазах девушки, ответил:

– Три тысячи.

– Да, маловато, это мне только пятьсот рублей перепало бы, – кивнула Катя и стала пить кофе.

– А на сколько бы ты согласилась? – спросил Семен.

– Ну, хотя бы тысячу мне.

Семен вздохнул. Похоже, только он до конца понимает, чем могла закончиться попытка аборта в позднем сроке у девушки, пусть даже в условиях гинекологического стационара. Все остальные сначала считают денежные купюры. Впрочем, он их понимал, – на зарплату, которую они получают, можно было только существовать. А хотелось жить в своё удовольствие и не считать деньги от аванса до окончаловки. Особенно сложно было среднему медперсоналу – обязанностей много, работы полным-полно, а зарплата аховая, даже если полторы ставки заплатят. Поэтому любой доход, помимо официального, приносил ощутимую радость и вполне понятное удовлетворение.

С другой стороны, они здесь в гинекологическом отделении уже настолько привыкли к медицинскому или самопроизвольному прерыванию беременности, что перестали воспринимать чувства каждого конкретного человека. Женщина, как плодовместилище. Если необходимо, опорожним матку от ненужной жизни. Если надо, попытаемся сохранить беременность. Если при этом плодовместилище платежеспособно, то от работы на конвейере можно получить удовольствие.

– Скорая помощь подъехала, – сказала Катя, глянув в окно.

– Вот этого я и опасался, – пробормотал Семен и сделал большой глоток кофе, почти опорожнив чашку. Пить холодный кофе он категорически не любил.

Он встал со стула и пошел к выходу, чтобы встретить бригаду скорой помощи и получить нужную информацию.

– Маточное кровотечение, – коротко буркнул знакомый врач со скорой помощи в ответ на немой вопрос.

– Сколько? – уточнил Семен.

– Бог его знает, думаю, что не меньше полутора-двух литров.

Семен посмотрел на бледное лицо женщины, лежащей на каталке, подумал, что цифру кровопотери можно легко умножить на два, и махнул рукой – давай, закатывай в смотровую.

– Катя, возьми красную кровь, поставь капельницу, и вызови Дмитрия Сергеевича, – командовал он медсестре, и с грустью подумал о том, что ему понадобится кровь для переливания. Заметив невысокую молодую женщину, которая стояла в дверях приемного отделения и не решалась пройти дальше, Семен спросил:

– А вы кто?

– Сестра, – ответила женщина, и уточнила, – родная сестра Вали, ну, женщины, которую сейчас привезли.

Семен интуитивно задал следующий вопрос, хотя пока не имел для него никаких оснований:

– Какой у неё срок беременности?

– Какая беременность, доктор, о чем вы?! Не было у неё никакой беременности.

И по тому, как внезапно заметался взгляд родной сестры пациентки, Семен понял, что попал в точку.

В смотровом кабинете всё уже готово. Субстрат – бледное тело с закрытыми глазами – лежало в гинекологическом кресле, игла в правом локтевом сгибе и по трубке струйно бежала прозрачная жидкость. Семен надел стерильные перчатки и положил правую руку на живот женщины в надлобковой области. Нашел дно матки, которое находилось на три поперечных пальца выше лона. И затем подошел к изголовью кресла.

– Валя, глаза открой.

Женщина медленно открыла глаза.

– Что вы с сестрой сделали, чтобы прервать беременность?

Женщина смотрела на Семена мутным взглядом и молчала.

– Ну же, Валя, говори, – поторопил её Семен, – от этого сейчас зависит твоя жизнь. Просто проткнули плодный пузырь, или что-то вводили в полость матки, например, мыльный раствор или марганцовку?

– Ничего мы не делали, совсем ничего, – тихим голосом пробормотала женщина, – оно само произошло.

После этого она так же медленно закрыла глаза и чуть повернула голову в сторону.

Семен хмыкнул и сказал медсестре:

– Думаю, что тут у нас криминальное вмешательство. Её родная сестра вообще отрицает, что была беременность. Обе нагло врут, а, значит, что-то сделали, чтобы прервать беременность. Давай, Катя, разворачивай операционную, думаю, надо делать экстирпацию матки². Если сейчас потеряем время, то похороним её.

Заметив вошедшего в смотровой кабинет анестезиолога, Семен продолжил командовать:

– Дима, здесь криминальный аборт в большом сроке, массивное кровотечение, надо кровь переливать. Определи группу крови и закажи всё, что надо, пока больную транспортируют в операционную.

Семен с треском сдернул перчатки с рук, вышел из смотрового кабинета и вернулся в приемное отделение. Родственница пациентки сидела на лавке, опустив голову, и раз за разом сжимала пальцы рук.

– Как вас зовут?

– Анастасия. Можно просто Настя.

² Экстирпация – хирургическая операция по удалению матки.

– Мне нужно согласие на операцию, – сказал Семен, протягивая женщине лист бумаги, – ваша сестра Валентина сейчас не в состоянии подписать этот бланк, соответственно, вы, как ближайшая родственница должны это сделать.

– Какая операция? – встрепенулась Настя. – Вы ведь просто выскоблите матку, чтобы остановить кровотечение, и всё?

Семен, задумчиво глядя на собеседницу, вдруг подумал, что у Насти, скорее всего, есть какое-то медицинское образование, ну, или знания определенного характера, и ответил:

– Нет. Если я просто выскоблю, она умрет. А если я удалю матку, то у неё будет шанс выжить.

– Как матку удалить?! – дрожащим голосом переспросила Настя. – У Вали еще детей нет, она ни разу не рожала.

– А чем вы думали, когда помогли ей прервать беременность, – спокойно сказал Семен. Он не обвинял, и не пытался что-то выяснить у родственницы пациентки. Он равнодушно констатировал факт криминального вмешательства, и Настя это моментально поняла. Опустив глаза, она взяла ручку и стала быстро заполнять графы в бланке согласия на операцию.

Семен смотрел на русые волосы женщины, скрывающие лицо, на тонкие пальцы, сжимающие ручку, на плотно сдвинутые колени в черных колготках и ровно стоящие ноги в черных туфлях. И ни о чем не думал. Он просто ждал, когда женщина закончит писать. Взяв заполненный бланк, он проверил, что всё написано правильно, и, не глянув на Настю, повернулся и пошел.

– Доктор, пожалуйста, спасите её!

Настя произнесла эту фразу тихим голосом, но Семен явственно услышал крик души. Только лишь из-за этого он на мгновение повернулся и сказал:

– Да, конечно, сделаю всё, что смогу.

Чистая вода жизненно необходима для существования человеческих особей. Семен в очередной раз убедился в этом, когда подъехал к дому. Он думал, что сейчас вкусно поест и ляжет спать. Устал зверски. Операцию по удалению матки у женщины с криминальным абортон закончил около половины третьего ночи, и даже после этого не вышло отдохнуть. Сначала абсцесс бартолиновой железы³, – женщина дотерпела до глубокой ночи и только тогда вызвала скорую помощь. Затем в палате у одной из пациенток с угрожающим абортон начались боли в животе. Около пяти часов Семен заглянул в реанимационное отделение, чтобы посмотреть на послеоперационную женщину. Убедился, что она стабильна, и вернулся в приемное отделение, где сидя на стуле, подремал полтора часа. Потом сдал дежурство и отправился домой.

– Угарин, вода кончилась. Бери баллоны и езжай на родник.

– Вера, может, позже, – пробормотал Семен, тоскливо глядя на два пластиковых тридцатилитровых баллона, – дежурство было тяжелое, я устал и спать хочу.

– Семен, воды нет ни капли, – сказала Вера, – я, конечно, могу сходить с ведрами до колодца Кузнецовых...

– Ладно, – прервал жену Семен, – уже еду.

Подхватив баллоны, он развернулся и пошел к машине. Загрузив сосуд в багажник Жигулей четвертой модели, он сел за руль и повернул ключ зажигания.

Они с женой жили в трех километрах от районного центра и в пятнадцати от города. Небольшое село на семнадцать дворов, свой дом, который остался Вере от родителей, свежий воздух, тишина и простор для Ыша, который вырос в кавказца размером с маленького теленка.

³ Абсцесс бартолиновой железы – гнойное воспаление органа, расположенного у входа во влагалище.

Прошел почти год, как они перебрались сюда из города, и Семен все реже вспоминал свою городскую жизнь. Он уволился из городского стационара, оставшись там только дежурником: четыре-пять дежурств в месяц, как правило, по субботам, иногда в летние месяцы больше. Устроился врачом акушером-гинекологом на консультативный прием в поликлинике районной больницы, чтобы быть ближе к дому и к жене. Городскую квартиру он сдавал в аренду. Его зарплата в двух местах и арендная плата от сдаваемой квартиры давали тот доход, на который они жили. Вера с некоторых пор не ходила на работу, а занималась хозяйством, – огород, куры и дом держались на ней. Единственное условие, которое она поставила в самом начале их сельской жизни – вода.

– Я не ломовая лошадь, чтобы таскать ведра с водой на себе, – сказала она, – поэтому давай, Семен, договоримся сразу. Обеспечение водой лежит на тебе.

И он согласился. Собственно, никаких особых проблем не было, – родник с чистой водой в трех километрах, рядом с трассой, подъезжай и набирай. Кстати, воду можно взять ближе. На все село был только один колодец с водой – у Кузнецовых – и, в принципе, совсем рядом, через восемь дворов, но Валера Кузнецов первым делом озвучил прейскурант, и только потом разрешил брать воду из своего колодца. Двадцать рублей за ведро. Не так уж и много, но, Семен, посчитав расходы, пришел к выводу, что значительно дешевле будет ездить на родник.

Остановившись на площадке перед спуском к роднику, Семен широко зевнул и вышел из машины. Потянувшись всем телом, он сделал несколько гимнастических упражнений и посмотрел вокруг. Хвойный лес окружал его почти со всех сторон, – если бы не асфальтированное шоссе с редко проезжающими автомобилями, можно было подумать, что он далеко в тайге. Местами между деревьями еще лежали грязные комья снега, но большая часть земли уже освободилась от снежного плена. Обычно, в конце апреля становилось достаточно тепло, чтобы снег в лесу полностью сошел.

Вытащив из багажника пустые баллоны, Семен пошел к роднику, который находился в неглубоком логу. К источнику вела облагороженная тропа, то в виде деревянных ступенек, то выложенная крупными плоскими камнями, то в виде утоптаных пологих участков земли. Идти удобно, особенно вниз, даже не смотря на то, что местами можно поскользнуться на мокрой земле.

Подставив первый баллон под струю кристально чистой воды, Семен осмотрелся. Обычно, здесь всегда ухожено и чисто, но сегодня он увидел обертку от сникерса, и, поморщившись, подобрал мусор. Когда менял баллоны, он заметил, что вниз спускается еще кто-то.

– Здравствуй, – доброжелательно поприветствовал мужик в телогрейке.

Семен ответил на приветствие, – примерно раз в месяц они встречались с мужиком у родника, здоровались, говорили о каких-то пустяках, так и не удосужившись узнать, кого как зовут.

– Всё так и ездешь за водой, – сказала мужик.

– Да, так же, как и ты.

– Ну, я-то скоро перестану, – широко улыбнулся мужик, – надумал вот колодец выкопать, сыновья на майские праздники приедут, за неделю и выроют. И вода всегда будет.

– Что, всего за неделю?! – недоверчиво переспросил Семен.

– Ну, сыновья у меня крепкие.

Мужик, задумчиво глядя на правую руку, загнул два пальца.

– Сруб для колодца я уже привез, – он загнул еще один палец.

– Лопаты приготовил, – четвертый палец присоединился к остальным.

– Место, где копать, нашел, – рука сжалась в кулак.

Мужик довольно улыбнулся и уверенно закончил:

– Запросто за неделю управимся.

Семен недоверчиво покачал головой, закрыл второй баллон крышкой, поднял его на плечо и пошел по тропе вверх. Это было самое трудное в процессе обеспечения чистой водой. Запыхавшись, он загрузил первый баллон в багажник и медленно побрел обратно – за вторым баллоном. По пути он думал о том, что услышал от мужика.

– Слушай, – спросил он внизу, – а место, где копать, ты как нашел?

– Михеича позвал, – ответил мужик, – он живет в третьем доме от тебя.

– А ты откуда знаешь, где я живу? Ты же вроде где-то в другой деревне живешь? – искреннее удивился Семен.

– Дак, кто ж не знает, где живет бабий доктор, – усмехнулся мужик.

На обратном пути Семен переваривал новую информацию. Собственно, не такую уж и новую, но раньше он даже не думал о таком выходе из создавшейся ситуации. Мысли о колодце приходили к нему в прошлое лето, когда из-за жары ему приходилось практически по два раза в день ездить на родник. Вода тогда нужна была еще и для полива огорода. Но в прошлом году мысли о колодце быстро испарились, – он врач, а не копальщик колодцев. Да и жара длилась не настолько долго, чтобы потерять терпение.

Он и сейчас оставался врачом, но за прошедший год в деревне он привык работать руками, и уже не боялся какой-либо работы. И, кроме того, он вспомнил, что в детстве помогал отцу копать колодец. Конечно, Семен был маленький, чтобы четко помнить сам процесс, но в памяти осталось главное – не Боги горшки обжигают. Если захочешь, можно сделать любую работу.

Первым делом, надо найти точное место, где копать. И это сделает Михеич. Он прекрасно знал старика, но в первый раз услышал, что Михеич умеет находить грунтовые воды.

Второе – сруб. Его придется купить.

Все остальное – зависит только от него. Конечно, копать землю – это тяжелый физический труд, но никто не заставляет его работать на износ. Если каждый день копать хотя бы по полметра, то за десять дней можно вырыть колодец глубиной пять метров. Скорее всего, этого будет достаточно. Параллельно надо устанавливать сруб, и это будет самое сложное, но и это он способен сделать. Семен явственно вспомнил лицо отца, который, сидя на краю колодца, сказал, глядя на сына:

«Копать землю – любой дурак сможет, а вот сделать так, чтобы яма была ровной, и сруб плотно ложился на свое место, – для этого нужен острый глаз и терпение. Главное, Сема, никогда не надо торопиться. Установил часть сруба над раскопом и медленно, равномерно, по чуть-чуть, убирай землю снизу, сруб постепенно сам ляжет туда, куда надо».

В принципе, можно найти тех, для кого копанье колодцев – обычная работа. Профессионалы сделают колодец быстро и хорошо, но за работу придется платить деньги. И, скорее всего, немалые. А лишних денег у Семена не было. Нет, заначка, конечно, есть, но эти деньги копились для другой цели.

Семен уже второй год мечтал о новой машине. И лучше бы не продукт отечественного автомобилестроения, а хотя бы недорогая корейская модель. До возжеленной суммы было еще достаточно далеко, но все-таки значительно ближе, чем в начале пути.

Выгрузив баллоны с водой, Семен потрепал по холке Ыша, который выскочил из конуры встречать, переоделся, помыл руки и сел за стол. Вера положила на тарелку порцию жареной картошки с куском куриного мяса и поставила перед ним. Налила молока в кружку и села напротив. Она, подперев голову рукой, спокойно смотрела на жующего мужа.

Семен с аппетитом кушал, запивал молоком пищу и периодически загадочно смотрел на жену.

– Ну, давай уже, говори, что хочешь сказать, – улыбнулась Вера.

Семен салфеткой вытер жирные губы и сказал:

– Я буду рыть колодец. Думаю, что уже летом у нас всегда будет вода. Чистая холодная колодезная вода.

Иногда кажется, что на прием ходят одни и те же пациентки. Семен посмотрел на длинную очередь, сидящую перед кабинетом, заметил много знакомых женских лиц, кивнул в ответ на сказанное вразнобой «здрассте» и вошел в кабинет.

– Доброе утро, Людмила Андреевна. Я так понимаю, что сегодня у нас аншлаг. С чего это вдруг?

Акушерка ответила на приветствие и добавила:

– Понедельник – день тяжелый, Семен Михайлович. Запись у нас полная, плюс восемь беременных женщин. К тому же, сегодня у нас профилактический осмотр декретированной группы – сотрудницы из детского сада и начальной школы.

– И много их?

– Всего – двадцать один человек.

Семен вздохнул и стал надевать белый халат. Порой, ему казалось, что работа в стационаре значительно проще, чем в поликлинике. Там у него были нестандартные случаи, нетипичные ситуации и ежедневная борьба за жизнь. Здесь – профилактические осмотры, диспансеризация женщин детородного возраста и ежедневная рутина. В стационаре он думал над лечением каждой пациентки, на консультативном приеме – в некоторых случаях можно было не думать вообще. Там – индивидуальный подход и общение с человеком минимум десять дней, здесь – конвейер массовых профосмотров, когда перестаешь замечать лица.

Сев за стол, Семен оглядел кабинет – светло-коричневые столы, черные стулья, серые стеновые панели, зеленые металлические шкафы для амбулаторных карт, белая ширма, закрывающая гинекологическое кресло. Затем повертел шариковую ручку в правой руке и бросил её на стол. Взял в руку свою личную печать, отвинтил крышку и положил на штемпельную подушечку. Смахнул несуществующую пыль со столешницы.

– Ну, что, Семен Михайлович, будем начинать?

Акушерка, даже не дождавшись ответа от врача, открыла дверь, вышла в коридор и громко сказала:

– Так, сначала по записи, а потом двое на профосмотр, затем снова по записи. Ну, и так далее. Не ругаемся, не кричим. Примем всех. Первой заходит Окунева.

Семен задумчиво посмотрел на большой живот беременной женщины и спросил:

– Ну, Окунева, что беспокоит?

– Ничего, доктор, у меня всё прекрасно.

Семен кивнул. Другого ответа он и не ожидал.

– Голова не болит? Мушки перед глазами не мелькают? Ночью спим спокойно? – на всякий случай уточнил он, и, вновь услышав отрицательный ответ, показал рукой на весы.

За неделю прибавка в весе на полтора килограмма. Хорошо заметная отечность тканей. Артериальное давление сто сорок на восемьдесят пять миллиметров ртутного столба. В общем анализе мочи наличие белка на верхней границе нормы.

– Ложитесь, Окунева, на кушетку. Послушаю сердцебиение плода.

Семен нашел предлежащую часть плода, приложил акушерский стетоскоп к нижнему полушарию живота и стал слушать. Сердцебиение ритмичное, но приглушено.

Вернувшись за стол, Семен записал в карту свой осмотр и, подняв глаза, посмотрел на беременную женщину, сидящую перед ним.

– Надо ехать в перинатальный центр, Окунева. И ехать надо сегодня.

– Не-а, – помотала женщина головой, – меня же ничего не беспокоит, и срок еще только тридцать семь недель. Что мне, до самых родов в больнице лежать, что ли? Не поеду.

Семен помолчал минуту, и потом стал спокойно говорить:

– У вас, Окунева, нарушение кровообращения между вами и ребенком за счет повышенного артериального давления. А это, в первую очередь, спазм сосудов на уровне плаценты. Ваш ребенок умрет через три дня. И вы этот момент даже не заметите. У вас всё будет прекрасно, ничего не будет беспокоить, а плод отомрет.

Семен посмотрел прямо в глаза беременной женщины и повторил:

– И произойдет это через три дня, в ночь на среду.

– Как через три дня? – ошарашено переспросила Окунева.

– Кстати, вы ведь почувствовали, что ребенок в последние дни стал меньше шевелиться? Редко побултыхается, и потом долго тишина? – спросил Семен, не обратив внимания на вопрос пациентки.

Окунева похлопала глазами и кивнула, сказав неуверенно:

– Ну, вообще-то, да. Иногда днем я его не чувствую совсем.

– Вот, и я об этом. Еще пару дней иногда пошевелиться, а на третий – помрет. Сегодня у нас двадцать восьмое, – Семен глянул на календарь, – значит, первого мая ваш ребенок перестанет шевелиться и умрет.

Окунева побледнела, сглотнула слюну во внезапно пересохшем рту, и хрипловато сказала:

– Доктор, давайте направление. Я прямо сейчас поеду, меня муж в машине ждет, он и довезет.

Семен заполнил бланк, поставил подпись и личную печать. Проводил взглядом женщину, которая стремительно переместила своё большое тело к выходу из кабинета. Только после этого повернулся к удивленному лицу акушерки.

– Семен Михайлович, откуда вы знаете, что ребенок умрет через три дня?

– Да не знаю я этого, – усмехнулся Семен, – просто, если б я стал рассказывать ей о том, что такое гестоз, преэклампсия и эклампсия⁴, то она бы все равно ничего не поняла. И решила, что она права, а врач придирается. И даже если бы я сказал, что в результате этих состояний ребенок может умереть, то она бы отмахнулась от этой гипотетической ситуации. А вот четкое временное ограничение – три дня и кирдык – действует, как холодный душ в жаркую погоду. Моментально прочищает мозги. Впрочем, у неё они тоже отекающие, поэтому, прочищать там нечего. Думаю, она просто испугалась.

– Но в перинатальном центре ей могут объяснить, что вы её обманули?

Семен пожал плечами и ответил:

– Нет, это вряд ли. Хотя, даже если и скажут что-то, то это уже не будет иметь никакого значения. Главное, чтобы вовремя родоразрешили, а всё остальное – несущественно.

Дверь в кабинет приоткрылась.

– Можно?

– Да, заходите.

Семен посмотрел на девушку, робко вошедшую в кабинет.

– Медосмотр? Детский сад? – уточнила Людмила Андреевна.

– Да.

– За ширмой раздевайтесь и ложитесь в кресло, – показала рукой направление акушерка. Девушка сделала несколько шагов в указанном направлении, округлившимися глазами глядя на тот предмет, куда она должна лечь.

⁴ Гестоз, преэклампсия, эклампсия – осложнения беременности, проявляющиеся повышением артериального давления, отеками, наличием белка в общем анализе мочи. Может привести к смерти плода и матери.

- Лет вам сколько? – спросил Семен.
- Девятнадцать.
- Первый раз на приеме у гинеколога?
- Да.

Семен задал вопросы о половой жизни и, получив положительный ответ, уточнил первый день последних месячных, и после этого, философски глядя в пространство, медленно сказал:

– Всё однажды в жизни случается в первый раз. У кого-то это случается в детстве, а у кого-то это происходит только в определенном возрасте. Я вот тоже задумал сделать то, что никогда не делал. Да, страшновато начинать, вдруг не получится. Однако говорю себе – не Боги горшки обжигают. Трудно будет, тяжело, но, если всё получится, то я же себя до конца жизни уважать буду. То есть, я много могу, если захочу. Горы способен свернуть.

– Доктор, – прервала размышления доктора акушерка, – пациентка уже лежит в кресле.

В конце рабочего дня в кабинет заглянула секретарь главного врача и сказала, что Семена Михайловича Угарина хочет видеть Юлиана Борисовна.

– Зачем? – спросил Семен, но не успел – секретарь уже закрыла дверь с той стороны.

– Ну, и зачем я этой кукле понадобился? – вздохнул Семен. – Думал, что спокойно домой поеду, а вот чувствую, что она мне мозг сорвет.

– А, может, что-нибудь интересное предложит? – сказала Людмила Андреевна.

– Ага, – кивнул Семен, – или без вазелина в задницу залезет, или гвоздь в голову вобьет.

Он встал и вышел из кабинета. Идти недалеко, – на два этажа вниз. Для администрации в поликлинике выделено целое крыло: экономический отдел, отдел кадров, бухгалтерия и приемная главного врача. Семен в очередной раз подумал, зачем на сто пятьдесят работников поликлиники целых три экономиста, пять бухгалтеров во главе с главбухом, два специалиста в отделе кадров. Сам же себе ответил на этот вопрос, и толкнул дверь приемной главного врача.

– Можно туда? – спросил он секретаршу, которая уже деловито что-то набирала на клавиатуре.

– Да, конечно, Семен Михайлович.

Он вошел в кабинет и, жестом спросив разрешения, сел на стул, напротив главного врача. Юлиана Борисовна Уласова, сидевшая во главе стола, широко открытыми глазами смотрела и улыбалась. Улыбка была одновременно и покровительственная, и великодушная. Семен непроизвольно отметил некоторые изменения во внешности – новая прическа, которая напомнила ему Барбару Брыльску из фильма Рязанова. Более темная по оттенку помада, подчеркивающая тонкие губы. Кулон на шее в виде темно-красной капли, – скорее всего, небольшой рубин на золотой цепочке. Явно цвет помады подобран под кулон.

– Семен Михайлович, – сказала Юлиана Борисовна, тонкие пальцы с накладными ногтями пришли в движение, создав ощущение, что кукла неожиданно ожила, – у нас в ближайший месяц будет много работы. Надо будет провести дополнительную диспансеризацию на птицефабрике и молкомбинате. Около трехсот человек. Будем выезжать на место, – группа специалистов, в которой нам нужен гинеколог, потому что из этих трехсот больше половины женщины. Два раза в неделю, думаю, что по вторникам и пятницам.

– Сколько? – спросил Семен.

– Ну, вы как всегда задаете конкретные вопросы, – начала издали Юлиана Борисовна, и Семен подумал, что сейчас его попытаются надуть. И оказался прав.

– Двадцать пять рублей за осмотр каждой пациентки.

Семен смотрел на сидящую перед ним куклу в чистом накрахмаленном халате и размышлял о том, что происходит с человеком, которого подпускают к государственной кормушке. Он знал, что Юлиана Борисовна когда-то была врачом-терапевтом, и даже, говорят, пару лет реально работала в здравоохранении, но затем неожиданно пошла на повышение, сразу пере-

скочив через несколько ступенек в медицинской иерархии. Сейчас она даже близко не подходила к пациентам, поэтому назвать её врачом язык не поворачивался.

– Что вы так смотрите на меня, Семен Михайлович? Неужели, мало?!

Опять-таки, если предположить гипотетическую ситуацию, когда кукла лежит в гинекологическом кресле, то наверняка окажется, что она ничем не отличается от всех остальных субстратов. Следовательно, главврач – обычная женщина, потенциальный пациент, а не какой-то там небожитель. Можно расслабиться и терпеливо ждать, ибо, что для врача – ежедневная работа, то для пациента – неизлечимая болезнь, и для главврача – незапланированные расходы.

– Ладно, – чуть поджала губы Юлиана Борисовна, хотя улыбка еще оставалась на лице, – тридцать рублей.

Какими категориями мыслит Уласова, стоя за штурвалом поликлиники? Вопрос, который можно не задавать, особенно если вспомнить раздутый административный штат поликлиники и количество уволившихся опытных сотрудников поликлиники, которые ушли только за последний год. А также, если знать оснащение поликлиники современной диагностической аппаратурой, которой в принципе не было, но даже на той, что была, работать было некому.

– Хорошо, сколько вы хотите, Семен Михайлович?

Улыбка, наконец-то, исчезла, уступив место холодному блеску глаз.

– Сорок, – назвал Семен ту цифру, которая должна была прозвучать с самого начала. Он прекрасно знал, сколько получают коллеги в других поликлиниках за дополнительную диспансеризацию.

Человек – странное существо. Верит в приближающийся Апокалипсис, и строит дом, в котором собирается жить до старости. С любопытством созерцает небо, предчувствуя скорый контакт с инопланетянами, и не замечает то, что творится у него под носом. Заглянув в глаза близкого человека, думает, что знает его, и в следующую секунду понимает, что видит пустоту. Легко принимает на веру сомнительное мнение какого-нибудь ученого человека, и не доверяет многовековому опыту людей.

Семен с некоторым удивлением и сомнением смотрел на старика, который медленно ходил по участку, держа в руках проволочную рамку. Конечно же, он прекрасно знал, что существует метод биолокации, когда человек чувствует идущие из-под земли некие флюиды, но сам никогда при этом не присутствовал, и изрядно сомневался в полезности подобных действий.

Однако Михеича позвал и сейчас созерцал, как тот с серьезным выражением морщинистого лица держит перед собой рамку. И причин было две: Михеич сделает для него эту работу бесплатно, потому что в прошлом году Семен помог его внучке, вовремя поставив диагноз и избавив молодую женщину от преждевременных родов, тем самым сохранив Михеичу правнука. И вторая, – а вдруг на самом деле это работает, ведь не зря же этим методом люди пользуются столетиями. В любом случае, Семен ничего не терял, поэтому с серьезным выражением лица следил за действиями Михеича.

Наконец, старик остановился. Посмотрел на качающуюся рамку, затем осмотрелся, явно прикинув расстояние до дома, и только после этого сказал:

– Здесь.

– Вот прямо-таки здесь? – на всякий случай уточнил Семен.

– Да.

Михеич носком сапога начертил на земле квадрат и добавил:

– Копай, примерно, полтора метра на полтора.

– А вниз сколько?

– Метров семь-восемь, – пожал плечами старик, – может, чуть больше, может, чуть меньше.

– И это всё ты по этой рамке увидел? – с сомнением в голосе спросил Семен.

Михеич посмотрел в глаза Семену, улыбнулся и спокойно ответил:

– Конечно. Я ведь не сомневался, когда ты сказал внучке, что надо ехать в больницу. Ты – мастер в своем деле, я – в своем. Кстати, ты что, на самом деле, сам собираешься копать колодец?

– Да, а что такого?

– Ну, вроде, ты доктор. Зачем тебе руки пачкать? Да и тяжело это, землю-то ворошить, – Михеич с недоверием окинул взглядом фигуру собеседника.

Семен поднял лицо к солнцу, помолчал и ответил:

– Понимаешь, Михеич, врачевание – это для меня ежедневная работа, которую я уже настолько хорошо знаю, что практически не задумываюсь над теми или иными действиями. Определенные стандарты вбиты в голову, работаю на автопилоте, не замечая ни людей, ни пролетающих мимо дней. А хочется сделать что-то стоящее, что-то настоящее, особенно, если надо будет работать руками. И трудностей я не боюсь. Вот выкопаю колодец, будет вода, и я себя чуть больше уважать стану.

Михеич недоуменно посмотрел на собеседника и тихо сказал:

– Лечить людей – это и есть самое настоящее стоящее дело. И ты работаешь головой, и руками. И люди тебя уважают.

– Оно так, – поморщился Семен, – но я уже настолько привык и приспособился, что перестал верить в то, что живу полноценной жизнью. Хочется чего-то нового, необычного. То, что ты считаешь стоящим делом, для меня привычная рутина. Изю дня в день одно и то же.

– Ну, ну, – кивнул головой старик, – давай, копай. Может, действительно, тебе это надо. Пойдем со мной, дам треногу, которую ты поставишь над раскопом, чтобы легче было вытаскивать землю.

Семен пошел следом за Михеичем. Когда они отошли от дома, старик повернулся и спросил:

– Что у вас с Веркой?

– В каком плане? – удивился Семен.

– Какая-то она недовольная ходит, – уточнил старик, – вроде, всё как обычно, но давно не видел, как она улыбается. Раньше-то, до тебя еще, она была такая хохотушка. Нелады, что ли у вас с ней?

– Что, значит, не улыбается?! – еще больше удивился Семен. – Нормально у нас. И улыбается она. Ничего необычного не вижу.

Михеич пожал плечами и больше ничего не говорил, пока они не дошло до сарая, где старик показал сложенные в углу стройматериалы:

– Из бруса поставишь треногу. Вверхукрепишь блок, с помощью которого будешь поднимать землю из раскопа. Веревку не дам, купи себе сам.

Семен поблагодарил старика и, взвалив скрепленный брус на плечо, понес добычу домой.

Вера сидела на лавке во дворе. Руки сложены на груди. На лице, вроде как отсутствие эмоций, но можно было предполагать, что она чем-то недовольна. Когда Семен сложил брус под навес, рядом с поленницей, она спросила:

– А я думала, что ты пошутил. Неужели, на самом деле будешь копать колодец?!

Семен посмотрел на серьезное лицо жены, вздохнул и сказал:

– Да. Буду. Сам. И чего это все сомневаются в том, что я могу это сделать?

– Ну, это работа для настоящих мужиков, а ты – доктор, да еще и женский.

– То есть, не мужик?

Вера отвела взгляд в сторону, словно не хотела отвечать на провокационный вопрос. И затем, словно решила увести разговор в сторону, спросила:

– Сруб для колодца надо будет покупать. У тебя что, лишние деньги появились?

– Заработаю.

Семен сел на лавку рядом с женой и рассказал о предложении главного врача.

– Раз пять съезжу с врачебной бригадой на дополнительную диспансеризацию, вот эти деньги и использую для покупки сруба.

Лицо жены еще больше помрачнело.

– Чем больше баб пощупаешь, тем больше денег заработаешь, – сказала она задумчиво, словно говорила сама с собой, – поимел двести баб, и получи зарплату. Посмотрел на сотню голых теток, и вот тебе за это деньги. Что-то мне это напоминает.

– Это моя работа, – спокойно сказал Семен, – мы с тобой уже не раз говорили об этом. И не двести их будет, а меньше.

Вдруг поняв, что сейчас он говорит так, словно оправдывается, Семен решительно закончил:

– И, к тому же, я их не щупаю, и, тем более, не имею. Я обследую пациенток для выявления заболеваний. Я – врач, моя работа – вовремя обнаружить болезнь и вылечить. И еще раз – они не бабы, а пациентки.

Вера кивнула, встала и ушла в дом, больше ничего не сказав.

Семен сморщился, словно он откусил кусок от лимона. Конечно же, он знал, что невозможно убедить женщину в том, что мужчина никогда не смотрит на сторону. Даже если жена говорит мужу, что абсолютно доверяет ему, всегда надо помнить, что глубоко в подсознании у неё сидит червячок сомнения, который не даст ей успокоиться. Возможно, это генетически заложено в женщине – не доверять мужчине, в полигамности которого она уверена. Особенно, если муж работает гинекологом, и каждый день имеет контакт с десятками женщин.

Хотя, надо признать, что возможна ситуация, когда жена абсолютно доверяет мужу. В том случае, когда ей всё равно. Когда она равнодушна к мужу – если и пойдет налево, туда ему и дорога. А если действительно любит, то полного стопроцентного доверия никогда не будет.

Семен сидел на лавке, смотрел на квадрат, нарисованный на земле, и вспоминал. О том, как познакомился с Верой.

Он встретил её там же, где нашел Ыша. На рынке, где продавали животных. Именно она стояла у той корзины, из которой высунулась светло-серая мордочка с любопытными глазами. Как Вера ему после сказала, она поразилась его неожиданной эмоциональной реакции: слезы на глазах, когда Семен держал щенка на руках. Именно эта реакция заставила её первой заговорить с ним.

Первым делом после покупки, Вера назвала породу собаки – кавказская овчарка – и сказала ему, как ухаживать за щенком. Семен слушал звонкий голос, смотрел на девушку со светлыми волосами и ясными глазами, и чувствовал, что в этот момент в его жизни происходят глобальные перемены. Собственно, вначале он полагал, что перемены будут не настолько глобальными – всего лишь, что у него появился новый друг, который будет требовать к себе внимание, и о котором надо будет постоянно заботиться. Он ушел с рынка, унося не только щенка, но и номер телефона новой знакомой, которая сказала ему, что он может звонить, если нужна будет помощь.

И уже на следующий день Семен позвонил. Причина для звонка была до наивности банальна – он попросил Веру помочь ему выбрать для Ыша ошейник и поводок.

Может, все не так плохо, как кажется. Вроде, есть ощущение, что жизнь остановилась, что всё хорошее позади, в той, другой, давно прошедшей жизни. Здесь и сейчас уже ничего нет. И ничего не будет. Но – может, надо просто закрыть глаза, возвести вокруг себя высокие стены, постараться отодвинуть проблемы на задний план, абстрагироваться от настоящего, и прожить следующее мгновение в том вакууме, который вы сами себе создали. Возможно, это мгновение в пустоте будет еще хуже, чем нарисованное в сознании будущее. Или лучше. Неважно. Главное, познать самого себя в сравнении. Да, не факт, что это сравнение вылечит больное сознание, но хотя бы заставит думать. И чуть-чуть мечтать.

Семен смотрел на отрешенное лицо женщины, лежащей на функциональной кровати, говорил банальные вещи и ждал, что в её глазах появится жизнь, или хотя бы какие-то эмоции. Конечно же, ничего не произошло. Пациентка по имени Валя все также отрешенно созерцала потолок. Он вздохнул и вышел из палаты. Нужно время, терпение и, главное, близкий человек. Первое и второе, в наличии, а вот третьего, скорее всего, нет. Впрочем, может сестра по имени Настя. Семен спросил у постовых медсестер, посещал ли кто его пациентку, и, получив ответ, пришел к выводу, что выздоровление физическое не приведет к выздоровлению душевному.

В ординаторской приемного отделения он услышал смех. Похоже, Дима снова всех развлекает. Семен улыбнулся и вошел в кабинет. Катя и санитарка Анна Ивановна не обратили на него внимания, анестезиолог бросил короткий взгляд и начал рассказывать следующий анекдот:

– Женщина вернулась из санатория, бросила сумку и села на диван. Посмотрела на колени и говорит: «Ну, что, коленочки, вот вы и снова вместе».

Санитарка гулко захохотала, а Катя, даже не улыбнувшись, недоуменно смотрела на рассказчика.

– И когда смеяться? – спросила она.

Дима хлопнул ладонью по столу и с жизнерадостной улыбкой ответил вопросом на вопрос:

– Зачем некоторые женщины ездят в санаторий?

– Лечиться, – пожал плечами Катя, и затем, когда до неё дошел смысл анекдота, она поморщилась, встала и, выходя из кабинета, добавила, – типичный анекдот для мужиков, которые думают, что все женщины только и мечтают, как бы раздвинуть ноги. Хватит ржать, Анна Ивановна, у нас есть работа.

Семен сел на свой стул и посмотрел на довольное лицо анестезиолога.

– Ну, что, доволен?

– Ага. А что, я не прав?! Деньги и секс – вот главное во взаимоотношениях с женским полом. Деньги в дом и регулярный оргазм.

Дмитрий Сергеевич Макаров выглядел лет на тридцать, хотя Семен знал, что у него скоро сорокалетие. Буйная шевелюра, симпатичное лицо, веселый нрав – он нравился женщинам, и в полной мере пользовался этим. Лет десять назад Дима женился, но смог прожить в браке только год. Затем сходил на сторону один раз, после – второй. Жена быстро всё узнала и подала на развод, на который Дима легко согласился. В последние годы почти каждые полгода он менял своих пассий, надолго не задерживаясь в постелях каждой из них. И Дима считал это правильным.

– Нет, – покачал головой Семен и поднял правую руку, растопырив два пальца, изобразив латинскую букву «V», – главное – это два «В». Внимание и верность. Будь внимателен к своей женщине и храни ей верность.

– Уверен?! – ухмыльнулся Дима.

– Нет, – покачал головой Семен, – теперь я уже ни в чем на сто процентов не уверен, хотя все равно считаю, что главное – эти два «В».

– Вот и я говорю. Именно с женщинами никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Поэтому для меня – деньги и секс.

На эту тему они уже говорили, и, так же, как и сейчас, каждый остался при своем мнении. Впрочем, это не мешало им оставаться приятелями. Хотя, Семен не сильно-то и стремился к этому, а вот Дима даже специально брал дежурства в те же дни, что и Семен, чтобы в свободное от трудового подвига время можно было пообщаться.

– Ну, как у тебя дома? – спросил Дима. – Как хозяйство, куры, свиньи?

Семен улыбнулся, вспомнив, как Дима убеждал его в том, что врач ни в коем случае не должен этим заниматься, что мясо и дичь должны нести благодарные пациенты, и спокойно ответил:

– Свиней мы не держим. А вот куры и кролики в порядке. Я вот собрался колодец копать. С водой у нас не очень хорошо, поэтому я решил сделать это. Место мне уже определили, сруб я заказал, в конце недели привезут. Ну, за пару месяцев, думаю, выкопаю.

Дима ошарашено уставился на собеседника:

– Ты?! Сам?!

Он даже вскочил со стула. Сделав несколько непонятных жестов, в которых можно было узнать и копательные, и фрикционные движения, он закончил свою короткую изумленную речь:

– Копать колодец?!

– Да, я сам буду копать, – вздохнул Семен, который ожидал именно такую реакцию со стороны коллеги.

– Нет, ну я знал, что у тебя не все в порядке с головой, но чтобы до такой степени, – Дима вернулся на стул, сел и, с прищуром глянув на собеседника, закончил, – может, ты прикалываешься надо мной? Небось, нанял пару копальщиков, а мне говоришь, что сам будешь копать?

Семен пожал плечами – дескать, не хочешь, не верь. Продолжать этот бессмысленный разговор ему не хотелось, и он уже думал, как перевести его в другое русло, когда Катя заглянула в кабинет и сказала:

– Там девочка пришла, хочет доктора увидеть.

– А ты уверена, что она девочка?! – практически сразу переключившись, среагировал Дима, задав вопрос игривым тоном.

Катя обреченно вздохнула, и, ничего не ответив, ушла.

– Ладно, пойду, посмотрю на девочку, – сказал Семен. Он неторопливо прошел по коридорам отделения, вошел в приемный покой и сел на свой стул. Глянув на девушку и прикинув возраст, он увидел боль и ужас в её глазах и спросил:

– Что беспокоит?

Она молча протянула лист бумаги. Семен посмотрел на стандартный бланк ультразвукового заключения, сразу вычленив главное – диагноз. Беременность десять недель и три дня. Порок центральной нервной системы у плода. После этого он прочитал то, что было написано выше. Врач ультразвуковой диагностики четко и подробно описал образование в затылочной области плода – менингоцеле. И только затем Семен посмотрел на возраст девушки – двадцать один год, чтобы убедиться, что почти не ошибся.

– Вам сначала надо обратиться в женскую консультацию по месту жительства, там вас отправят на пренатальный консилиум, который определит показания к прерыванию беременности, – начал спокойно объяснять Семен, – и только после этого дадут направление к нам.

– Мне час назад УЗИ сделали, – сказала девушка, – в консультации уже никого нет. Я не знала, куда мне идти.

– Домой. А завтра с утра на прием к доктору в женскую консультацию.

– И что я мужу дома скажу? Что у меня в животе урод?

Девушка, наконец-то, произнесла то слово, которое до этого зрело в сознании. Озвученное, оно ударило её со всей силы, заставив разрыдаться от обиды на несправедливость жизни, от ощущения собственного бессилия и невозможности что-то изменить. Семен смотрел на плачущую навзрыд девушку и молчал. Заметив заглянувшую в дверь Катю, он сказал ей, чтобы принесла валерьянку и воду.

Через пять минут, когда, выпив стакан воды с пятидесятью каплями валерьянки, она чуть успокоилась, Семен, подумав, что уже второй раз за вечер работает психотерапевтом, стал негромко говорить:

– Дома вы скажете мужу, что на ультразвуковом исследовании выявлен порок развития у ребенка. Это уже произошло, это невозможно изменить, и с этим трудно смириться. Но вам надо вместе пережить этот удар судьбы. Не надо искать виноватых, потому что понять, из-за чего это произошло, практически невозможно. Ни вы в этом не виноваты, ни ваш муж. Скорее всего, какие-то внешние причины. Например, на малом сроке вы переболели острым респираторным заболеванием или перенесли на ногах какую-нибудь вирусную инфекцию. Никто от этого не застрахован. Сейчас вам надо держаться вместе и пройти до конца с надеждой, что это никогда не повторится.

Он снова говорил банальные вещи и повторно объяснил, что надо сделать девушке завтра с утра. Убедившись, что до неё дошли его слова, Семен, сказав, что даже если сейчас ей кажется, что жизнь остановилась, то завтра она поймет, как ошибалась, отпустил девушку домой. Глядя на её спину, он в очередной раз решил, что психотерапевт из него хреновый. После этого, сидя в приемном отделении, он долго и бессмысленно смотрел на белую плитку стен.

Весной прошлого года, когда они еще жили в городе, он вернулся домой с работы. В квартире его встретил только Ыш, но Семен этому не удивился – Вера работала бухгалтером, и иногда задерживалась на работе, особенно, когда приближался конец квартала или когда в короткий срок нужно было осваивать новую компьютерную программу. Хотя, как правило, она предупреждала, что задержится. Но, из любого правила бывают исключения, поэтому Семен отправился на кухню и стал готовить ужин. Ыш помчался за ним, и получил свою порцию пищи.

Салат – помидоры, брынза, зеленый лук и сметана. И поджарить куриный шницель на сковороде. Через полчаса всё готово, и Семен, глянув на часы, решил позвонить. Услышав в трубке механический голос, что абонент недоступен, он забеспокоился. И позвонил подруге Веры, которая работала вместе с ней. Узнав, что Вера ушла с работы днем, еще до обеденного перерыва, отпросившись у начальника «по очень важному делу», Семен задумчиво посмотрел на фотографию на стене, где он обнимал Веру, которая счастливо улыбалась в камеру.

Сев на стул, он стал вспоминать последние дни, пытаясь понять, что произошло. Скорее всего, началось всё две недели назад, когда он увидел грусть в глазах Веры. Она ушла от ответа на прямой вопрос, сказав какую-то банальность. А он не стал давить, подумав, что рано или поздно сама расскажет.

Говорили ли они вообще в последние две недели?

Семен перебирал в памяти события, и не мог обнаружить ничего, что могло бы объяснить внезапное исчезновение жены. Вроде, всё, как всегда. И, некоторые мелочи, на которые он должен был обратить внимание. Вера несколько дней утром вставала раньше него, хотя раньше всегда предпочитала поваляться подольше. И бледность на лице, особенно утром. Позавчера вечером она отказалась от мяса, хотя всегда была мясоедкой.

И, да, они практически ни о чем не говорили. Только обычные фразы, типичные для совместного проживания двух людей, и ни одной беседы по душам, когда хочется рассказать о том, что накипело или что тебя волнует.

Возможно, у Веры какая-то проблема со здоровьем. Но почему она ничего ему не сказала?

Семен включил компьютер. Используя свой врачебный логин и пароль, вошел в программу «Промед» и ввел для поиска данные своей жены. Нетерпеливо постукивая пальцами по столешнице, дождался, пока программа выдаст результат. Колесиком мыши прокрутил небольшой список.

И от удивления застыл, не веря своим глазам.

Неделю назад Вера посетила врача в женской консультации на другом конце города. Шифр диагноза – Z32.1 – не оставлял сомнений в том, что она беременна. Затем еще одна явка к тому же доктору. И другой шифр – O35.0, с которым Вера была направлена в гинекологический стационар городского перинатального центра.

Это было пять дней назад.

Семен задумчиво смотрел на буквенно-цифренное сочетание шифра и пытался вспомнить, что оно обозначает. Так, как самостоятельно не вышло, он нашел таблицу шифров МКБ⁵ и выяснил, что это «поражение центральной нервной системы плода, требующее оказания медицинской помощи матери».

Сглотнув слюну во внезапно пересохшем рту, Семен вышел из программы и выключил компьютер. Он так и сидел перед черным монитором, пока не услышал поворот ключа в замке.

Он встретил жену с улыбкой:

– А у меня как раз ужин готов, мой руки и к столу.

Он сразу же заметил бледное лицо и отрешенность в глазах, но не сказал ни слова. Семен вел себя, как обычно, говорил простые слова и открыто смотрел на жену. Вера ела салат без аппетита, и периодически смотрела на него, словно ожидала, что он задаст какой-нибудь вопрос. Но Семен так до конца ужина ничего не спросил. Он просто улыбался, словно радовался тому, что они вместе сидят за столом. И только в самом конце, когда они пили чай, Семен спокойно и неторопливо предложил:

– Я уже несколько дней думаю. И вот о чем. У тебя уже год в деревне дом пустует. Может, нам перебраться туда. Свежий воздух и тишина. Опять-таки, для Ыша свобода, а то ему здесь уже тесно.

Ыш, словно поняв, что говорят о нем, прибежал из коридора и положил морду на стол, причем ему для этого даже не надо было вставать на задние лапы. Вера погладила пса по голове и сказала:

– Думаешь, пришла пора что-то изменить в нашей совместной жизни?

Голос у жены прозвучал неестественно бодро.

Семен пожал плечами и стал собирать посуду со стола.

Большое дело начинается с первого простого движения. Семен приподнял штыковую лопату и воткнул в землю. Вывернул и бросил в ведро темную тяжелую землю. Верхний плодородный слой почвы он разбросает по участку.

Первое мая. Впереди четыре свободных дня, в течение которых он сделает первые, самые трудные шаги на пути вниз. Семен знал, что начинать всегда сложно, поэтому приурочил новое дело на праздники, специально отказавшись от дежурства в стационаре в один из дней, когда идет двойная оплата за работу. Утреннее солнце начало пригревать, и уже через пять минут он скинул толстовку, оставшись в одной футболке. Ыш сначала бегал вокруг него, а затем улегся на свежую траву, положил морду на лапы и стал смотреть, что делает хозяин.

⁵ МКБ – международная классификация болезней

Четыре штыковых лопаты на ведро, и Семен понес землю на участок, где они скоро будут сажать картофель. И снова к раскопу, который он оградил кольшками, словно создав некий магический квадрат. Хотя, конечно же, Семен сделал это для того, чтобы не увеличивать величину раскопа.

Тяжелый физический труд настраивал Семена на философский лад, – он завораживал своим однообразием, и давал свободу мыслям.

Он таскал землю и размышлял.

Копал, и вспоминал.

С переездом в деревню они тянули почти месяц. Собственно, Семен был готов хоть на следующий день собрать вещи и перебраться на природу. Но Вера откладывала, мотивируя это тем, что на селе не будет тех благ цивилизации, к которым они привыкли. Да, они оба выросли в деревне, но последние лет двадцать постоянно жили в городе.

Туалет находится в пристрое, но он все равно холодный. Воду надо привозить. Нужен будет газ в баллонах. Да, электричество есть, и можно будет использовать его для приготовления пищи, но надо еще посчитать, насколько это будет дороже. Опять-таки, нужны дрова для печи, пусть даже только в зимнее время. Вера рассуждала о трудностях и оттягивала момент переезда.

Семен говорил о том, что впереди лето, что можно будет посадить картофель, морковь, свеклу и другие овощи, чтобы в будущем иметь свои продукты. Не так уж много труда необходимо, а результат будет замечательный – свои экологически чистые овощи и зелень. Опять-таки, всё лето на природе, и для здоровья хорошо, для души приятно, и псу радость.

Вера говорила, что придется каждый день ездить на работу. Утром туда, вечером обратно, – когда же работать и следить за огородом. Всё зарастет травой и никакого урожая у них не будет. Много денег будет уходить на бензин. На слова Семена о том, что можно уволиться здесь, и найти работу ближе к дому, Вера отмахивалась – кому на селе нужны бухгалтеры. Рабочих мест мало, и те давно заняты. Семен соглашался, и продолжал говорить о переезде в деревню, как о свершившемся факте.

Наконец-то, к концу мая они перебрались, и непонятно, кто был больше рад – Семен или Ыш. Вера улыбалась, глядя на их веселую возню в траве, и Семен, замечая эти перемены в жене, думал, что скоро всё наладится. Трудности первого месяца отодвинули на второй план события прошедших месяцев: в какой-то степени Вера была права – они давным-давно отвыкли от жизни на селе.

Семен понес очередное ведро с землей, высыпал его на участок, где совсем скоро надо будет высаживать картофель, разровнял ногой кучу, и, поставив ведро, посмотрел вдаль. Уже скоро год, как они здесь, а он по-прежнему с удовольствием и радостью смотрит вокруг: открытые, ограниченные только горизонтом, просторы завораживали его. Да и сама линия, разделяющая землю и небо, была настолько размытая и неясная, что казалось, ничего нет. Пространство начинается у его ног, и нигде не заканчивается. Этот мир полностью открыт, – можно пойти вперед, и планета развернется для него, демонстрируя свои красоты и тайны. И даже этой гипотетической возможности было вполне достаточно, – конечно же, Семен не собирался куда-либо идти.

– Что, уже надоело копать?

Услышав сзади ехидный вопрос жены, Семен, не поворачиваясь к Вере, спросил, показывая рукой направление:

– Смотри туда. На что похоже вон то облако?

– Оно похоже на обыкновенное облако.

– Ну, Вера, присмотришься внимательнее. Это необычное облако.

Жена молчала минуту, а потом сказала:

– Просто неровное бесформенное облако. Я такие облака каждый день вижу, и не по одному разу.

Семен снова посмотрел на гигантскую фигуру, занимающую четверть неба, и сказал:

– А я вижу, что это верблюд. Смотри, вон там голова, затем два горба.

– Ну, не знаю, – равнодушно сказала Вера, – мне кажется, что совсем на верблюда не похоже.

Семен, словно не слыша слов жены, задумчиво продолжил:

– Неторопливодвигающийся вперед корабль пустыни. Идет себе и идет. А, знаешь, Вера, мы с тобой никогда не были в пустыне. Наверняка, там замечательно. Куда не глянешь, абсолютно пустые пространства. Только ветер и песчаные дюны.

– Ерунда, – отмахнулась Вера, – нестерпимая жара и песок во всех местах. Постоянно ветер и от солнца никуда не спрячешься. Переться через тысячи километров, чтобы потом проклонить солнце и песок. Нет уж, мне такого не надо.

Семен услышал, как жена ушла. Постоял еще пару минут, и пошел к раскопу.

Кроме огородных работ, внимания требовал дом, пристрой и сарай. За год, прошедший после смерти матери Веры, в доме никто не жил, и без хозяина он стал накапливать множественные дефекты. И если починить калитку или поправить крыльцо для Семена не составило большого труда, то сделать ремонт крыши, пусть и косметический точечный, стало для него некоторой проблемой. За годы городской жизни он давно отвык от плотницких и других деревенских работ. Однако он справился, и с калиткой, и с крыльцом, и с крышей. Затем заменил забор, оградив участок тесом. Перестелил прогнивший пол в бане, переложил каменку.

Впрочем, ничего этого он бы не успел сделать, если бы еще в самом начале лета, не решил вопрос с работой. Около пяти ночных дежурств в стационаре, и три дня в неделю на консультативном приеме. Теперь у него было достаточно свободного времени, чтобы работать на себя. Вера тоже через месяц уволилась с прежнего места работы, – они взяли кур и кроликов. Эта живность требовала к себе внимания. К концу лета они настолько освоились, что Семен порой с удивлением думал о том, как они могли так долго жить в городе, где пространство ограничено стоящими вплотную высотными домами, воздух пропитан выхлопными газами автомобилей, а толпы людей постоянно и хаотично перемещаются в разных направлениях.

Ыш, получивший в свое полное распоряжение конуру во дворе, окружающий деревенский мир и близлежащий лес, стал настоящей кавказской овчаркой, а не большой квартирной собачкой. Он охранял дом и был верным другом Семену.

Впрочем, проблема, которая созрела в городе, так и осталась с ними. Вера так ни разу, ни единым словом не обмолвилась о том, что с ней произошло. Семен тоже молчал, так и не озвучив своё знание того, что Вера всё решила без него. И вообще, – тема детей вдруг стала для них запретной, причем, он осознал это еще в городе, и даже не пытался спросить жену, что она думает по этому поводу.

Семен, стоя по щиколотку в раскопе, воткнул лопату, поднял рыхлую землю и бросил её в ведро. Тяжелый физический труд помогал ясно мыслить, и в очередной раз он задал себе вопрос – а когда у них Верой был секс?

И сам же себе ответил – в той, другой жизни, которая давно сгинула в прошлом. Первый месяц он и не пытался, потому что, как врач, понимал, что аборт – это травмирующая операция, после которой нужна реабилитация и половой покой. Затем переезд в деревню, когда они почти месяц приспосабливались к новым условиям жизни. Семен пробовал сделать первый шаг к близости, но Вера пресекала любые, даже робкие попытки: отворачивалась от поцелуя, отталкивала руки мужа. Она говорила об усталости и головной боли, о банальном нежелании и неприятных ощущениях внизу живота. Семен видел в её глазах не только страх, но и нечто, похожее на ужас, и, удивленный, отступал.

Кроме этого, они спали врозь. Это получилось как бы случайно, – в деревенском доме не было широкой кровати. Узкая кровать у печи, где расположилась Вера. И старый диван в противоположном углу, у которого сломан механизм, и он давно не раскладывался.

Мылись они в бане. И тоже врозь. Вроде как банька маленькая, тесно там вдвоем. Хотя, если подумать, для двоих там вполне места хватит.

Семен понес следующее ведро, и попытался вспомнить, как давно он видел свою жену полностью обнаженной. И опять вышло, что в той, другой жизни.

Он порылся в памяти: как оно выглядело – тело жены. И образ, созданный сознанием, оказался размытым и тусклым. И если уж быть совсем точным, – этот виртуальный образ ничем не отличался от сотен других субстратов, на которые Семен по роду своей работы, вынужден был смотреть.

Высыпав землю, Семен вновь застыл, глядя на небо. За те несколько минут, что он отходил, облако изменило очертания, превратившись из верблюда в лошадь. Если первый медленно перемещался в неограниченном пустынном пространстве, то вторая мчалась вперед с развевающейся гривой по заросшей травой степи. Поднявшийся ветер принес запахи полевых трав и ощущение вольных просторов, где живут мустанги.

Семен улыбнулся своим мыслям, и вернулся к колодезю.

Отверстие в земле, – пусть даже совсем не глубокое, – казалось странным инородным пятном, созданным не в том месте, и не тем человеком. Вокруг светло-коричневая подсохшая земля, а колодезь – почти черная неглубокая квадратная яма.

Рана на теле планеты.

Она или со временем заживет, оставив после себя шрам, или станет естественным углублением. Тут всё зависит от глубины и терпения, количества времени и вложенного труда.

Семен постоял над раскопом пару минут, а затем прыгнул в него и продолжил копать.

Красота человеческого тела абсолютна и перманентна, даже когда она до безобразия привычна. Если с первыми пациентками Семен еще разговаривал, спрашивая жалобы, первый день последних месячных, наличие родов, аборт и гинекологических заболеваний, то после второго десятка он замолчал. Не отвечая на приветствие женщины, показывал жестом на гинекологическое кресло, с треском надевал перчатки и подходил к очередному телу. Стандартный осмотр молочных желез, затем осмотр шейки матки на зеркалах и взятие мазков, пальпация внутренних органов, после чего Семен жестом показывал, что можно вставать. Пока женщина одевалась, он успевал написать в карте свой осмотр, чтобы затем снова показать рукой на кресло следующему субстрату.

Они приехали на птицефабрику ближе к обеду. Бригада из терапевта, окулиста, ЛОР-врача, хирурга и гинеколога. Фабричный медпункт настолько мал, что первым трем специалистам пришлось вести прием в одном помещении, а для остальных выделили отдельные кабинеты. Семен облачился в привычную спецодежду и стал работать.

Очень быстро Семен заметил, что здоровых женщин мало. И, как правило, это были пациентки в возрасте до тридцати. Все, кто старше, имели от одного до нескольких заболеваний. Мастопатия⁶ у каждой второй, миома матки⁷ разных размеров – у каждой четвертой, воспаление в придатках и кисты в яичниках, эрозия шейки матки⁸ и кольпит⁹. Семен, ни говоря

⁶ Мастопатия – доброкачественное заболевание молочных желез.

⁷ Миома матки – доброкачественная опухоль матки.

⁸ Эрозия шейки матки – доброкачественное заболевание шейки матки.

⁹ Кольпит – воспаление во влагалище.

ни слова, писал диагнозы и рекомендации. Он не смотрел на лица женщин, не слушал, что они пытаются спросить, – стандартные движения и заученные диагнозы. Пять минут на каждую пациентку, и ни минутой больше, – иначе, он не успеет сделать план: сорок человек за три часа.

Новое тело. Толстая женщина невысокого роста. Несмотря на объемы, разделась она быстро. Семен приблизился к ней, показал рукой, что бюстгальтер тоже надо снять. Огромные груди, больше похожие на наполненные водой бурдюки, неожиданно напомнили ему о верблюдах. Было бы интересно руками помять горбы у верблюда, – неожиданно для самого себя подумал Семен, – такие же они пальпаторно, или отличаются по консистенции?

Семен распаковал одноразовый гинекологический набор, тоскливо посмотрел на пластиковое зеркало, размер которого был хорош для нерожавшей женщины, но для этой пациентки зеркало явно маловато. Так и оказалось, – он с трудом нашел в складках влагилица и вывел для визуального осмотра шейку матки, взял мазки и только тогда заметил ярко-зеленый цвет.

Подняв глаза, Семен посмотрел на лицо спокойно лежащей женщины.

– Что там у вас? – спросил он.

– Где?

– Там.

Он выпрямился и показал рукой на промежность.

– Не знаю. Вроде, ничего не было.

Семен кивнул, спокойно засунул руку в отверстие и извлек зеленый пластмассовый предмет. Крышка от флакона, – или от шампуня, или от туалетной воды. Судя по размеру и форме крышки, флакон, скорее всего, был длинный и продолговатый, чем-то похож на очень большой фаллос.

– А я думаю, куда она делась, – взмахнула руками женщина и стала объяснять, – давеча, помылась в бане и поскользнулась в предбаннике. Упала на флаконы, шампунь там, и другие. И сама не поняла, как это вышло.

Она вдохновенно лгала, и Семен жестом остановил её.

– Ладно. Одевайтесь и забирайте свою вещь.

Он писал в амбулаторной карте и думал о том, что каждый человек, вне зависимости от пола, возраста и веса, хочет любви, – неважно, настоящей или суррогатной, на пару или в одиночестве. Протянув карту женщине, он посмотрел на красное лицо.

– Извините, доктор, что соврала, – тихим голосом сказала пациентка, – у мужа моего, у Васи маленький, – она изобразила пальцами размер, – а он хочет доставить мне удовольствие, поэтому...

– Идите уже, – прервал её Семен, и отвернулся.

По окончании медосмотра их накормили в столовой, и бригада врачей уехала. У поликлиники Семен пересел в свою машину и поехал в город. Сегодня у него было дежурство, и, чувствуя себя донельзя измотанным, он с тоской думал о том, что вряд ли именно сегодня ему повезет. Наверняка, всю ночь придется работать.

Первым, кого Семен увидел в ординаторской приемного отделения, оказался Дима. Он сидел на диване и пил растворимый кофе. На столе перед ним лежала раскрытая коробка конфет «Коркунов».

– Фу, – поморщился Семен, – как ты можешь жрать эту гадость?!

– Верись, не могу, давлюсь, но ем, потому что ничего другого нет.

Дима забросил в рот очередную конфету, сделал несколько жевательных движений и запил большим глотком кофе.

– На, вот, лучше, съешь булку, – сказал Семен, вытащив из сумки целлофановый кулек.

– Откуда такая вкуснятина?

Расплывшись в довольной улыбке, Дима раскрыл кулек, где лежало шесть сдобных булочек, и извлек одну.

Семен сел на диван, откинулся на спинку, закрыл глаза и только потом ответил:

– Прихватил в столовой птицефабрики. На медосмотре там был. Устал, подремлю полчаса.

И, уже почти провалившись в сон, он услышал слова жующего анестезиолога:

– Да, бабы они такие, кого хочешь, доведут до изнеможения.

Проснулся Семен сам от того, что спина затекла. Спать сидя неудобно, даже на мягком диване. Посмотрев на часы, он встал и потянулся. В кабинете тишина, легкий аромат кофе, и кулек на столе, в котором осталось три булки. Семен сделал несколько гимнастических упражнений, чтобы окончательно проснуться, переоделся и пошел на вечерний обход.

В отделении всё спокойно. Судя по журналу передачи дежурств, тяжелых больных не было, чему Семен мысленно обрадовался. Пройдя по палатам, он спросил, есть ли у кого жалобы, поговорил с двумя женщинами о необходимости принимать гипотензивные таблетки, дал рекомендации пациентке по нормализации стула. Не обнаружив в палате свою пациентку по имени Валя, он спросил на медсестринском посту и пошел в указанном направлении.

Женщина сидела на кушетке в дальнем конце отделения у большого окна. Закатное солнце окрасило облака в розово-оранжевые полутона, создав феерическую картину на небосклоне. Семен постоял рядом, посмотрел на неподвижную фигуру пациентки и сел рядом. Через пять минут совместного молчаливого созерцания он спросил:

– Как вам кажется, на что похоже облако прямо перед нами?

Валя, всем своим видом демонстрируя, что не хочет разговаривать, даже не моргнула.

– А у меня ассоциация с морским кораблем, – невозмутимо продолжил Семен, – этак Летуций Голландец, несущийся по волнам. На носу резная женская фигура, подняты все паруса. Ветер надувает их, заставляя корабль лететь вперед.

– Кариатидная роста.

– Что? – переспросил Семен, услышав голос пациентки.

– Женская фигура на носу корабля называется кариатидная роста.

– Да. Не знал.

– Но мне кажется, что на носу корабля злобный дракон, а не женская фигура, – сказала Валя. Она говорила, но на лице не было никаких эмоций.

– Дракон? Нет, ну какой же это дракон, – Семен снова внимательно посмотрел на облако и, заметив, что очертания облака чуть изменились, добавил, – хотя, теперь это больше похоже на льва, но в любом случае, это не дракон.

Валя пожала плечами и ничего не сказала в ответ.

Еще несколько минут молчаливого созерцания, и Семен снова начал первым:

– Насколько я знаю, завтра у вас выписка?

– Да.

– Как настроение?

– Если бы не вы, было бы лучше.

Семен, имитируя обиду в голосе, вздохнул:

– Я вроде как жизнь вам спас.

Валя, наконец-то, повернула голову и посмотрела на собеседника.

– А зачем она мне? Мужчина, которого я люблю, как только узнал, что со мной сделали, сразу ушел. Моя мать с инсультом попала в больницу, и я не знаю, встанет ли она. У меня нет детей, и теперь уже никогда не будет. У меня ничего нет, и никогда ничего и никого не будет.

Она говорила, повышая тональность голоса с каждой фразой, резко очерчивая каждое отрицательное слово, словно намертво вбивая гвозди в дверь, которая отрезала её от окружающего мира. В глазах Семен видел ненависть и боль, гнев и презрение, и эти кипящие эмоции она выплескивала на него.

– У вас есть родная сестра.

Валя на мгновение замерла, эмоциональная реакция внезапно утихла, и она почти спокойно сказала:

– У неё своя жизнь. Возможно, первые пару недель она будет приезжать ко мне, но потом, когда вернется привычная жизнь, всё вернется на круги своя. И мы будем встречаться от случая к случаю.

Семен, созерцая меняющуюся картину за окном, помолчал некоторое время. И начал неторопливо говорить, словно рассуждал сам с собой:

– Глупо считать, что наличие рядом близкого или родного человека избавит вас от одиночества. Можно иметь прорву родственников, и жить, как отшельник в пустыне, где самый близкий друг – верблюд. Можно быть сиротой, и иметь друзей, которые готовы отдать за тебя жизнь. Всё это, в первую очередь, состояние души. Желание открыться всем, или навсегда запереть себя в четырех стенах своего сознания. Возьмем, к примеру, меня. Мы с женой вместе несколько лет. Первые годы после свадьбы жили душа в душу. Год назад произошло некое событие, после которого она закрылась от меня. Она думает, что я не знаю, что произошло в её жизни. Я делаю вид, что не подозреваю о том, что случилось. Я знаю, что моей вины в том, что случилось, нет, но, мне кажется, что она уверена в обратном. Первое время я пытался снова сблизиться, но наткнулся на глухую стену. Внешне всё вроде хорошо, но сейчас мне кажется, что я лучше понимаю Ыша, чем жену.

Заметив удивленный взгляд, Семен уточнил, что Ыш – это кавказская овчарка, и продолжил говорить:

– Я люблю жену, и скучаю по первым годам нашей жизни. Каждый день думаю, как вернуть всё назад, но ничего не могу придумать. Пытался поговорить по душам, но она всегда умудрялась уходить от откровенного разговора. Впрочем, я предпринимал не так много попыток, – пару раз не получилось, ну я и не настаивал. И, главное, – я опасаясь сказать ей, что всё это время знал о том, что с ней произошло год назад.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, полагаю, что это будет выглядеть так, будто я без спросу залез в её сумочку и перерыл там всё в поисках компромата. Ну, да ладно, это моя жена и моя проблема, и я привел этот пример вот для чего. Всё познается в сравнении. Моя жена, у которой есть муж и все внутренние органы, и вы – без мужа и без матки. Кому из вас лучше?

– Во-первых, сравнение некорректное. Во-вторых, я не знаю вашу жену, и не могу сравнивать.

– Вот и я, как оказалось, совсем не знаю её. И, да, наверное, вы правы, сравнение бессмысленное, хотя есть возможность для размышлений. Особенно для меня.

Семен, решив, что пора сменить тему, спросил:

– Извините за любопытство, кто вы по образованию?

– Искусствовед, – усмехнулась Валя, – меня учили с умным видом рассуждать о том, о чем большинство людей не имеют ни малейшего представления.

– Вы имеете в виду красоту?

– Ну, и это тоже, в некотором роде.

– Как вы думаете, красота женского тела, как мощный фактор воздействия на мужское восприятие, действительно имеет место быть? – спросил Семен, несколько нестандартно построив вопросительную фразу.

Валя с недоумением посмотрела на него:

– Да, конечно.

– Я почти каждый день имею возможность созерцать десятки обнаженных женских тел, разнообразных форм и комплекций. Молодых и старых, девочек и опытных женщин, стройных и не очень. Как вы считаете, вижу ли я эту красоту?

– Что, вас уже тошнит от нас? – улыбнулась Валя.

Семен, заметив улыбку на лице пациентки, встал с кушетки и, не получив ответ на свой вопрос и не ответив на её вопрос, ушел. Идя по коридору больницы, он размышлял о пластичности человеческого сознания, которое может найти выход из любой ситуации. И тут тоже главное, – время и терпение.

Общение с деревом требует любви и нежности. Семен похлопал ладонью по светло-коричневой деревянной поверхности. Звук глухой и приятный. Приблизив лицо к бревну, вдохнул прекрасный запах обработанного дерева. Запах, конечно, не тот, что от живого ствола, но в любом случае дерево пахнет прекрасно. И этот аромат вернул его на мгновение в детство.

– Лиственница. Сам выбирал, служить будет вечно, – сказал Михеич, любовно погладив по стволу, – видишь, на каждом есть порядковый номер. Надеюсь, сможешь сам сруб собрать?

– Конечно, – кивнул Семен, – спасибо, Михеич. Что бы я без тебя делал.

– Вон из тех бревен сделаешь нижнюю раму. Видишь, у них край сделан заостренный, – сказал старик, показав на заготовки для сруба, на которых были первые четыре цифры.

Михеич сказал что-то еще, скорее всего, несущественное. Стукнул Семена по плечу, дескать, давай, трудись. Посмотрел на часы, – отлично, управились до двенадцати. И ушел с чувством исполненного долга. Грузовик уехал, и наступила тишина.

Семен стоял, смотрел на ровно сложенные ряды пронумерованных бревен и задумчиво улыбался. Там, в его детстве, которое он провел рядом с лесом, дерево было везде. Живое и мертвое, обработанное и нет, распиленное на доски или порубленное на поленья. Оно давало жизнь, обогревая жилище зимой, и служило защитой от солнца и дождя летом. Оно давало пищу и поддерживало огонь. Из него делалась посуда и игрушки, мебель и инструмент.

Всё это куда ушло с тех пор, как они всей семьей перебрались в город. Сначала он, а потом и мать с отцом. Дерево перестало играть важную роль в жизни, превратившись в обычный атрибут. В городе жить легче, особенно старикам. В последний год жизни отец часто вспоминал деревенскую жизнь, – и в его голосе Семен слышал тоскливую песню о любви и молодости.

– А почему именно лиственница, а не береза, например?

Семен, услышав голос жены, повернулся к ней и ответил:

– Служить будет вечно. Ну, или почти вечно. Кстати, ты знаешь, что в Средние века итальянцы покупали наши уральские лиственницы, чтобы строить дома в Венеции?

Заметив недоуменный взгляд Веры, Семен продолжил:

– Венецианцы вбивали сваи из наших лиственниц в болотистую лагуну, и потом на них строили свои здания. Считаю, уже пятьсот лет дерево исправно служит, находясь в воде. Так же и наш сруб, – долго не будет гнить.

К бревнам в очередной раз подбежал Ыш, обнюхал и сел у ног Семена.

– Ну, Ыш, а ты что думаешь по этому поводу?

Ыш поднял морду, втянул носом воздух и коротко гавкнул.

– Согласен, пахнет приятно, – улыбнулся Семен.

– Что, прямо сейчас будешь сруб собирать? – спросила Вера.

– Не весь. Сначала первые пару рядов соберу. Затем перетаскаю бревна под навес и продолжу копать. Мне надо сначала хотя бы на полтора метра вглубь уйти, чтобы потом установить первую часть сруба, который будет под действием своей тяжести сам вниз опускаться.

Вера кивнула, повернулась и ушла в дом.

– Ну, что, Ыш, будешь мне помогать?

Пес переместил тело в лежачее состояние и положил морду на передние лапы.

– Ладно, – кивнул Семен, – я рад хотя бы тому, что ты рядом со мной.

До обеда Семен почти полностью сложил основу сруба, аккуратно вгоняя края бревен в пазы. Где нужно, он использовал деревянный молоток, старясь максимально бережно относиться к дереву. Он помнил, как в детстве отец говорил ему, что дерево любит ласку, что с ним надо работать осторожно. «В отличие от человека, после смерти из дерева не уходит душа. Она остается внутри ствола, и именно это определяет вечность дерева. Когда дерево разрушается, тогда только умирает душа. Ну, или если человек, который работает со срубленным деревом, безалаберно относится к нему. Тогда человек повинен в том, что душа дерева умирает раньше времени».

За столом, когда они с Верой кушали суп, Семен молчал. В последнее время их совместные приемы пищи так и проходили: Вера подавал на стол, они молча ели, и затем возвращались к своим повседневным трудам. Вначале Семена это сильно напрягало, он пытался что-то рассказывать, или спрашивать жену, но быстро понял, что его слова никто не слышит, а на вопросы никто не хочет отвечать. Впрочем, иногда Вера невозмутимо говорила, что когда кушает, говорить она не может.

В любом случае, прием пищи в тишине стал правилом, и это заставляло Семена складывать еду в рот и жевать быстро, чтобы встать из стола, и нарушить тишину любым звуком.

– Что у нас для Ыша? – спросил он, глядя на сосредоточенное лицо Веры, которая не съела еще и половины порции.

Вера показала рукой на кастрюлю, стоящую на полу.

Во дворе Ыш спокойно подошел к своей миске, негромко рыкнул, словно поблагодарив, и стал есть.

– Не за что, Ыш, – улыбнулся Семен, потрепал пса по шкуре, и посмотрел на колодец. Квадратная дырка в земле. Если он сегодня выкопает еще немного вниз, то послезавтра, когда вернется с консультативного приема, он сможет установить основу сруба на место.

Семен улыбнулся, потер ладони и пошел к раскопу. Посмотрел сверху, и понял, что пора использовать лестницу, чтобы спускаться и, главное, подниматься из колодца. Подтащил её, и, спустившись вниз, принялся за дело.

Он копал, выбрасывая землю из ямы на расстеленную мешковину, и думал. О том, что они с Верой давно не разговаривали. Так, чтобы рассказать, что тревожит, или что вызывает беспокойство. Или поделиться радостью. Они в последний год практически ни разу не говорили по душам. И вот это больше всего беспокоило Семена. Он вспомнил, как в первый год совместной жизни Вера каждый вечер с удовольствием и подробно рассказывала обо всем, что произошло за день, – на работе, в магазине, на рынке, в автобусе, на улице. Он слушал, комментировал словами или жестами, добавлял свои эмоции, – эти вечерние диалоги сближали больше, чем долгие годы жизни. Так он думал тогда.

Когда Вера закрылась в себе, и перестала делиться с ним своими переживаниями и эмоциями, он полагал, что всё это временно. Пройдет несколько недель или месяцев, и их совместная жизнь вернется на привычные рельсы. Этого не произошло, и Семен в очередной раз вспомнил то, что разделило их жизнь на «до» и «после».

Почувствовав боль в уставших мышцах, он оперся на лопату и задумчиво осмотрел яму. Внезапно возникшая мысль, что пока его колодец больше смахивает на могилу, пусть квадратную и нестандартную, еще больше загнала сознание в грусть. Семен созерцал ровные края ямы, вдыхал запах свежей земли, чувствовал тепло солнца, – за кажущимся благополучием его жизни скрывалась бездонная пропасть, заглядывать в которую у него не было никакого желания. Проще отогнать грустные мысли прочь и продолжать работать.

Может, именно для этого он и затеял копанье колодца – чтобы обмануть самого себя? Создать себе занятие, которое позволит отвлечься от странно неразрешимой проблемы, которая разрушает его жизнь. Приходя домой, прятаться от самого себя в колодце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.